

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 50 (2261).

Суббота, 8 декабря 1945 г.

Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. Исагили Шарипов. Наш долг. Николай Погодин. Чистота чувств. Стихи. Так говорит народ. По Советской стране.

2 стр. Мих. Зенкевич. Навстречу победе. А. Храбровицкий. В Старом Акшине. Ю. Либединский. Книга о народном герое. С. Липкин. Стихи Уйгуна. Людмила Стоянов. Литература новой Болгарии. Информация.

3 стр. Петр Скосырев. Читая «Лейли и Меджнун» Алишера Навои... Н. Четунова. Рассказы Шурыгина

Т. Габбе. Книга за книгой. Д. Золотницкий. По дорогам юности. Гр. Ломидзе. Грузинская литературная газета.

4 стр. А. Гозенпуд. Рукописное наследие Леси Украинки. М. Лозинский. Будущие книги. А. Раскин. Песнопевцы. Н. Рубинштейн. Путь свободы. В ССП СССР. Воронежский альманах. Новеллы В. Шкловского. Повесть о России. Информация.

Товарищ И. В. Сталин на трибуне Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов, 5 декабря 1936 года.

Сталинская Конституция страны социализма

5 декабря исполнилось девять лет с того дня, когда был принят текст новой Конституции СССР, вошедшей в историю с именем ее творца, великого вождя народов товарища Сталина. Вся страна отметила этот день, как праздник.

«Из России непокойной будет Россия социалистическая» — такими словами закончил свою последнюю речь в ноябре 1922 года создатель советского государства Ленин.

Принятие Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов Сталинской Конституции знаменовало победу социализма в нашей стране. Пророческие слова Ленина преобразовались в жизнь товарищ Сталин, развивший ленинские идеи и осуществивший победоносное строительство социалистического государства, социалистической экономики. Не пропала даром ни кровь, пролитая героями первых сражений за власть Советов, ни доблестный труд на великих социалистических стройках. Венцом всенародных усилий, итогом неустанного творчества и руководства нашей партией явилась Сталинская Конституция, этот исторический документ, «трагующий просто и просто, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии» (Сталин).

Сталинская Конституция обеспечила советским людям право на ту настоящую свободу, о которой товарищ Сталин говорил, что она «смысляет только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб».

Много, единственного до конца последовательного и неограниченного социалистического демократизма. Еще на заре нашей эпохи Ленин говорил, что советская власть «в миллионы раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Чуждое свойство нашей демократии как раз в том и проявилось, что она призвала к жизни дремавшие народные силы, дала им размах и величие. Убраны все препятствия, все рога, которые мешали народным силам, и освобожденная народная энергия широко разлилась во все стороны, наполнила все поры государства и чудотворно проявила себя во всех сферах трудовой битвы. И разве наши победы не являются плодом этой титанической энергии, примененной к преобразованию природы, строительству, творчеству жизни на новых началах? Все мы, советские люди, — участники великой деятельности, в которой миллионы воли слились в одну уинуругую и целеустремленную всенародную волю. Отсюда наши успехи в промышленности, в земледелии, в науке, в просвещении масс. Сталинские пятилетки были триумфом этой победоносной демократической энергии.

Другой замечательной особенностью нашей демократии является то, что она, объединяя миллионы, создает небывало благоприятные условия для выявления, роста и расцвета личности.

Мойланы уродливой, давно разоблаченной, но все еще живучей лжи нагромаждены в буржуазном мире вокруг «спрогноженного вопроса» о свободе личности. И что в обществе, которое как раз тем и поддерживает свое существование, что привлекает к нему все возможности искренне восхищения и почитания? И что в обществе, которое как раз тем и поддерживает свое существование, что привлекает к нему все возможности искренне восхищения и почитания? И что в обществе, которое как раз тем и поддерживает свое существование, что привлекает к нему все возможности искренне восхищения и почитания?

искреннее участие человека в общем труде. Этот строй создает новую мораль, ставящую превыше всего талант и доблесть человека, создает подлинную свободу личности.

Если мы задумаемся в положении, которое заняла интеллигенция в нашей стране, в частности, писатели, чей труд иначе и не ощущается, не только самими работниками литературы, но и широкими народными массами, как часть государственного общественного дела, то мы увидим в этом яркое проявление советского демократизма.

«Радуюсь я, — писал Маяковский, — этой мой труд вливается в труд моей республики». Так социалистический демократизм стал источником вдохновения и счастья творческой личности.

Отечественная война показала, на что способен народ, осознавший себя единственной и нераздельной хозяйной страны, осознавший советское государство, как свое родное государство.

Исагили ШАРИПОВ НАШ ДОЛГ

Солнце Сталинской Конституции озаряет Казахстан, ставший за годы советской власти передовой индустриально-аграрной республикой.

То, что дал Советскому Казахстану великий Сталинский Закон, отмечают в своих произведениях казахские писатели — выразители духовного мира и практики своего народа. Во многих лучших работах казахских прозаиков и поэтов показаны рост и укрепление государственности в нашей республике, условия, способствовавшие нашему свободному национальному развитию. Творчество акынов служит народу. Многие писатели и акыны вели активную работу в колхозах. Мы видим их и среди сотен агитаторов, ведущих сейчас работу по подготовке к выборам в Верховные органы Союза. Агитация развивается по обширной стране, простираться от предгорий Ала-Тау до акмолинских равнин. Выступления писателей и акынов находят горячий отклик у населения. За 25 лет существования Казахской советской республики изданы скотководы, хлеборобы, поэты, писатели, ирригаторы вместе шли по великому и славному пути.

В республике созданы большие заводы, рудники, нефтепромыслы. В солончаковых степях, покрытых голубой поливной, у верблюдных караванов троп высятся школы, библиотеки, избы-лаборатории.

Мы отпраздновали День Конституции первого года победы. В строительстве величественного здания победы принимали участие вместе с другими народами Советского Союза и казахи. Они отважно и мужественно сражались на фронтах Отечественной войны, самоотверженно работали в тылу. Священный долг казахских прозаиков и поэтов — отобразить широко и полно эти военные и трудовые подвиги казахского народа.

ТАК ГОВОРИТ НАРОД

Из песен индийских эвекков

Реки питают море,
Море питает небо,
Небо питает землю —
Так говорит народ.

Всены плодотворней,
Осень выводит рыбу,
Зимы дают пшеницу —
Так говорит народ.

Радость рождает счастье,
Счастье рождает силу,
Сила рождает славу —
Так говорит народ.

Счастье храни с собою,
Славу отдай народу,
Славу потомки вспомнят —
Так говорит народ.

Перевод с английского
Анатолия ОЛЬХОН.

Писатели — кандидаты избирательных комиссий

Состоявшееся на днях общесоюзное собрание писателей было посвящено выдвижению кандидатов в состав участковых избирательных комиссий. Писатели обсудили 12 кандидатур. В состав участковых избирательных комиссий выдвинуты: С. Шипилов, А. Тарасенков, Н. Лышко, В. Лидин, А. Барто, А. Кванденко, Ю. Либединский, А. Карцев, А. Жаров, М. Голодный, Б. Зорич и К. Горбунов.

Николай ПОГОДИН Чистота чувств

Мне врезался в память один фельетон русского журналиста начала нашего века, Власа Дорошевича. Фельетон этот я прочел в сборнике его писем из-за границы, который, увы, утрачен и является теперь редкостью. Рассказ там шел об одном странном театральном представлении.

Где-то в окрестностях Парижа живет молодая и счастливая французская семья. Вечер. Красивая, цветущая женщина ждет мужа из города, ждут отта дети. Дарящие нежными красками рисует автор весьма милый французский семейный быт. Зритель ждет, для чего дана эта прелестная картина? Непременно должно что-то случиться... и «что-то» случается.

В дом доходят грабители и убийцы. Молодая женщина начинает метаться по сцене в поисках спасения. Она телефонрует мужу в Париж, но это слишком далеко. Он остается там в ужасе беспомощности. Полиция тоже не успевает на выручку к несчастным. Они обречены. Бандиты в доме разыгрывают сцену грабежа и убийства целой семьи... В зрительном зале рыдают женщины. Занавес опускается. Представление окончено.

Русский зритель В. Дорошевич, смотрящий это странное театральное представление, с недоумением спрашивает:

— Зачем мне показали эту пьесу? Он искал хоть какого-нибудь ответа, объясняющего появление этой драмы на французской сцене, и не мог ничего найти. Никакой мысли, никакой цели ни автор, ни театр не преследовали. Просто убийство, как оно есть.

Наши иностранные коллеги часто критикуют советскую драму. Мы не склонны защищаться от критики. У себя дома мы разговариваем о своих литературных делах прямо и откровенно. Но мы никогда не отступим в защите своих принципиальных взглядов на свободное демократическое искусство.

Принципы нашей демократии кратко и точно изложил В. М. Молотов 6 ноября. Они целиком вытекают из нашей Конституции. Истинно демократическое советское искусство наследует классическую русскую традицию быть «разумное, доброе, вечное», о чем вдохновенно писал Некрасов:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердценое
Русский народ.

И эти чистые, как сама правда, слова были призывом и заветом русской интеллигенции следовать Пушкину и Гоголю, Белинскому и Чернышевскому. Расовая и национальная ненависть, «воспевание убийств, грабежей и насилия над человеком» чудовищно несовместимы с русской литературой, и наш основной закон, заклеивший печатью преступления подобные мрачные проповеди, навсегда утвердил неиспаемые законы многих поколений прогрессивной русской интеллигенции.

Вот почему, мне думается, Влас Дорошевич не мог понять молвой в свое время нарисованной драмы и послал полное недоумения и горечи письмо в газету «Русское слово».

Говорят, что за последние двадцать лет перед второй мировой войной во Франции не было запрещено ни одной пьесы. И напротив. Если автором пьесы был фашист и наемный предатель родины, то что, кроме вреда, принес он прекрасному французскому искусству и тому народу, которому призвано это искусство служить. Процесс в Нюрнберге исторически утверждает, что единственная в мире демократия, оказавшаяся свободной от немецко-фашистской пропаганды — советская демократия.

...Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

НА ПАМЯРЕ

ХОРОГ. (От наш. корр.). В районных центрах Памира, в колхозах Горно-Бадахшанской автономной области, идет подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Вместе с депутатами облсовета, с десятками агитаторов, пропагандистов, лекторов выехали на места писатели. В агитпунктах, украшенных лозунгами и плакатами, посвященными высадке, поэты и прозаики беседуют с населением и записывают высказывания и пожелания. Писатели выезжают в отдаленные кишлаки и на кочевые, отгонные хозяйства — к пастухам, в их юрты. В горах открываются новые агитпункты. Выступающие здесь писатели знакомят население далеким гор со своими произведениями, рисуют им жизнь Таджикистана. Писатели выступают также по радио на темы, связанные с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР.

ДВА СБОРНИКА ЛАТЫШСКОЙ ПОЭЗИИ

РИГА. (От наш. корр.). Госиздат Латвии выпустил два сборника стихов — «Латышские поэты Сталину» и «Советской Латвии».

Стихи этих двух небольших книжек говорят о том, что даже в черные минуты жизни латышский народ не терял великой веры в победу добра над злом, света над мраком. В образе Сталина — полководца, друга, человека — черпали душевную силу и стойкость и латышский стрелок, стоявший у Москвы, и латышский пахарь, который, не стесняясь издевательств немцев, уходил в леса партизанить. Образ родной Латвии и образ вождя сливаются воедино: «Мы боремся за счастье и светлую жизнь — за Латвию! Мы боремся за Советов и свободу народа — за Сталина!» — восклицает Андрей Валодис в стихотворении «Песня латышских гвардейцев».

«Когда мы слышим клич — за Латвию! за Сталина! — сердце бьется сильнее и свобода, и правда с нами рядом на всех путях войны» — пишет Янис Судрабасис.

В декабре 1942 г., в день Сталинской Конституции, Валдис Луксе пишет провозглашающие строки: «...Лаугава, с ветром споря, на волнах качает песню, славя Сталина родного, Конституцию Советов, сияющее свободой». Искренностью дышат стихи остальных участников сборника — Ю. Ванга, Ф. Рокелниса, А. Чака, М. Рузлитиса, А. Гриуляса и др.

Сборник «Советской Латвии» открывает «Гимн Советской Латвии», написанный Ф. Рокелнисом и Ю. Вангагом.

РАБОТЫ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

ПЕТРОЗАВОДСК. Карело-финский научно-исследовательский институт культуры в течение многих лет занимается проблемами национальной культуры, фольклором, лингвистикой. Выпустил научные кадры — карелья. Институт выпустил свыше 70 работ, хрестоматий, сборников и учебников языка.

Изданы «Калевала» на финском и русском языках, «Сказки карельского Беломорья», «Карельская деревня» (сборник исторических документов XVII века), «Сказки и песни о Ленине», «Быльи Пудожского края», «Карелья и Карелия в новгородские времена» (С. Галзидис), «Быльи П. Рябинина-Андреева», финско-русский словарь и т. д. «Сказки карельского Беломорья» редакторами проф. Н. Аздовский и акад. И. Мещанинов.

В текущем году работники фольклорной секции обехали Олонецкий, Калевалский, Пудожский, Ведлозерский районы, где записали от 100 сказателей свыше 300 произведений. Подготовлено к печати девять сборников. Институт предпринял издание библиотеки карело-финского фольклора; в скором будущем вынутся в русской серии библиотеки: «Избранные лирические песни», «Исторические песни», «Советский фольклор», «Избранные быльи», «Быльи П. И. Рябинина-Андреева», «Карело-финские руны и исторические песни». Большая часть материалов публикуется впервые.

КНИГИ В АРМЕНИИ

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). В Армянском государственном издательстве вышли «Стихи» Сильвы Капутикян («Сборник включены патристические и любовные стихотворения, написанные поэтессой за время войны»). «Стихотворения» Маро Маркрияна, книга избранных произведений Г. Сарьяна, в которую вошли баллады «Дзюфроч и Элиур», «Юноша и смерть», а также стихи, посвященные русскому народу и героям Отечественной войны.

ВЕЧЕР МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

КИЕВ. (От наш. корр.). На днях в клубе Союза советских писателей Украины состоялся вечер Максима Рыльского. Поэт поделился впечатлениями о поездке в Югославию, рассказал о своих встречах с маршалом Тито, с деятелями науки, искусства и литературы.

М. Рыльский за время пребывания в Югославии много писал. Он прочел на вечерние стихи — «Письмо родному краю», «К жене», «К сыну» и др.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ССП БЕЛОРУССИИ

МИНСК. (От наш. корр.). На заседании правления Союза советских писателей Белоруссии принято решение о созыве в декабре очередного расширенного пленума ССП Белоруссии. Это — первый пленум после освобождения Минска. Для участия в работе пленума приглашаются белорусские писатели, писатели братских республик, переводчики белорусской литературы на русский и другие языки.

В повестке дня пленума следующие вопросы: 1. О задачах белорусской советской литературы. 2. О творчестве молодых писателей. 3. Довыборы правления.

Создана комиссия по подготовке к пленуму. В нее вошли: А. Стахович, П. Бровка, А. Кучар.

В ЛИТОВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВИЛЬНОС. (От наш. корр.). Академия наук Литовской ССР существует пятый год. Она была организована в январе 1941 г. и первый год своего существования посвятила исследованию литовского языка, литературы и истории. Немешкая оккупация превратила работу академии, институт литовского языка и институт литовского языка, несколько библиотек — в том числе библиотеку института этнологии — были разграблены и разрушены немцами. Научные работники и служащие академии разогнаны или заключены в лагерь.

С первых же дней освобождения Вильноса Красной Армией началось восстановление Академии наук. Ныне среди других отделений работает отделение общественных наук, включающее несколько институтов: институт литовской литературы с музеем в Вильносе и Каунасе, институт литовского языка (при нем — редакция словаря литовского языка), институт истории и этнографии Литвы, секция фольклора с этнографическими музеями в Вильносе, Шилуте, Шауляй. Библиотека Академии наук — одна из самых больших библиотек в Литве.

Иллюстрация художника Н. Виткина к роману И. Гончарова «Обрыв», подготовленному Гослитиздатом к выпуску в 1916 году.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ НАВСТРЕЧУ ПОБЕДЕ

Широким кругам читателей уже знакомы по вышеуказанному на русском языке сборникам избранные стихи двух видных советских эстонских поэтов — Юганеса Барбаруса и Юганеса Семера. Март Рауд — поэт более молодой и принадлежит к поколению, вступившему в литературу в начале 30-х годов. Он не только поэт, но и прозаик, автор романа «Рынок» и драматург, автор пьесы «Мы у ворот». Ранние стихи Марта Рауда были интимно-лирические, много места в них занимали описания пейзажа, но уже в 1940 году, переключившись в историю Эстонии, поэзия Рауда приобретает все более и более общественно-политическое звучание. Рауд горячо приветствовал провозглашение советской власти в Эстонии, а в годы Отечественной войны написал много боевых стихов, звавших эстонский народ вместе с Красной Армией бороться за освобождение родины. Лучшие из этих стихов в переводах на русский язык собраны в книге «Навстречу победе».

Сборник открывает лирическое стихотворение «Перемена погоды», написанное еще в 1938 г.:

Помню, набрел я на дом среди снега
В бедных зыбких дачках.
Восстало было под шумом колодезь
Видеть зажегший огни.
Лыжи от жара трещали и сохли,
Красным цветом утробы.
Полал хозяйин мне хлеба и соли,
Пели за печкой свечки.
Я ругнулся на свежий соломе,
Озлабленный сном.
Воздух выстыл в неподвижной истоме
В тихом укрытии лесном.
Далее поэт описывает внезапную новую бурю, которая «стуча, как бычки, стволы», и свой выход утром на лыжах навстречу заре:

У отдохнул у дорожной излучины.
Исела от света сонная,
И дождик выливал из облаков руки
Мне протянула вена...
(Перевод К. Арсеновой).

Лейтмотив весны проходит через всю книгу, символизируя освобождение и возрождение эстонского народа. В «Новой весне» Рауд приветствовал «радость победы» 1941 года, «начало новых невиданных эр», когда «первое семя упало в землю Эстонской ССР», а в «Весне» 1944 года — «вольную весну освобожденной отчизны».

Видишь, весны наступила пора,
Шумы дельные, эстония, слышишь?
Нежно прибрежные ветки ветра,
Для все теплее и солнце все выше.
Вольную ветришь, отчина, весну,
Петер разгонит угрюмые думы,
Светлого дня ты входишь глубину —
Слушая победные зовы и шумы!
(Перевод М. Заматовской).

А. ХРАБРОВИЦКИЙ В СТАРОМ АКШИНЕ

«Да здравствует Старое Акшино и сельская жизнь в России!» — писал Герцен Огареву в 1818 году. Старое Акшино — ленинское имение Огарева. Здесь он рос и долго жил в разные периоды жизни. Вот отрывок из его акшинского письма 1847 года:

«Я переживаю какую-то поэтическую эпоху моей жизни... После завтрака я отправляюсь верком по полевым работам или по лесоводству. В этом проходит часа четыре. Потом дома что-нибудь поделается. Потом обед. Потом иду бродить. Прихожу и распределяю работы на завтрашний день, при сем толкую с час с мужиками. Потом пишу или учусь... до 3-х или 4-х ночи».

Н. А. Огарев-Тучкова дополняет этот рассказ:

«В эту эпоху Огарев писал очень много... Кроме того, он любил заниматься музыкой, химией — я была его лаборантом. В деревне к нему ходило много молодых».

Огарев был влюблен в Акшино, которое он отобразил в стихотворениях и поэмах. Эта влюбленность горно вылилась в стихотворении «Желание покоя»:

Опять они, мои мечты,
О тиньке уединенной,
Где в сердце столько тоскы,
И столько грусти и стремления.
О, хороши мои поля,
Декоративны и безбрежны...
Там некто так влюблен в мот,
Как пестер венный, брызгающий...
Хорош мой тихий, светлый пруд,
В него тоскится мечтатель бедный.

Иллюстрация художника Н. Виткина к роману И. Гончарова «Обрыв», подготовленному Гослитиздатом к выпуску в 1916 году.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ КНИГА О НАРОДНОМ ГЕРОЕ

«...Я показал миру, что может сделать один человек, когда его вдохновляет благороднейшее чувство — любовь к родине». Так перед смертью сказал князь Георг Марзепун, главный герой исторического романа Мурацана, носящего имя этого героя. Армения раздираема на части сворочившим феодальным князьями. Царь Ашот II мужественный защитник родины от арабов борется за объединение Армении, ослепленный страстью к жене одного из феодалов, совершает поступки, недопустимые для главы государства, и этим еще сильнее возбуждает феодальную усобицу в стране. Чтобы справиться с коалицией своих врагов, он вводит в Армению чужеземные войска. Но счастье отвернулось от царя: армия его разбита, чужеземные войска ему изменят. Сознывая, что он сам является причиной своих несчастий и народных бедствий, царь погружается в уныние и безделье и уступает от власти, никому ее не передав. Арабы беспрестанно грабят страну. Феодалы отжиливаются в своих замках. Глава армянской национальной церкви — католикос — мог бы в этот тяжелый момент жизни народа возвысить голос и призвать феодалов встать на защиту родины. Но католикос труслив, как заяц, бежит от арабов и одного монастыря в другой, и авторитет его падает в глазах народа все ниже.

События эти происходили тысячу лет назад, в десятом веке. Тогда казалось, что древний армянский народ погибнет под пятой арабов. И тут на историческую сцену выдвинулся выдающийся полководец князь Георг Марзепун. После всех испытаний страна возрождается, крестьяне и ремесленники возвращаются к мирному труду, снова расцветает армянская культура.

Большим достоинством Мурацана является то, что он видит реальную историческую ситуацию, на которую опирались Марзепун. Знаменитый полководец верит в свой народ.

Целое тысячелетие отделяет автора от времени, им изображенного в романе, и все же автор сумел разгадать и изобразить характер Георга Марзепуна в такой живительной реальности, как будто бы сам чудом вернулся из эти давно прошедшие времена. Фигура народного героя дана во весь рост; он отличается большой человечностью, умной снисходительностью к людям.

«— Я никого не считаю совершенным. Каждый из нас имеет свои слабости. По-зряму я всегда снисходителен к людям, которые причиняют мне зло».

«— Но разве не бывает преступлений, которые невозможно простить, за которые надо вешать, сжигать в огне, топить?».

«— Есть и такие...
— Что же это за преступления? Говори, я хочу знать.
— Измена родине».

Да, преступлений против родины не прощает Георг Марзепун.

И снисходительный к людским слабостям, он тем строже в отношении молчаливых требований, чем выше положение человека в государстве, тем, следовательно, выше его ответственность перед родиной.

Прочитав роман, с особенной остротой понимаешь, почему армяне, изгнанные со своих земель и рассеянные повсюду свету, требуют восстановления исторической справедливости. Ведь Георг Марзепун был не просто титул «царедетель родины» за то, что объединил всю армянскую территорию вокруг новой столицы — Арминии, крепости Карса. Карс всегда был армянским городом. Наследник царя Ашота царь Абас много сделал для благоустройства города: «Он выстроил великолепный дворец, а в цитадели прекрасный замок, после чего перенес свой престол из Ерагавора в Карс и объявил его столицей. Затем он стал украшать город великолепными зданиями, гостиницами, новыми зданиями и святилищами, построил балны и водопровод. В короткий срок столица наполнилась многочисленным населением. Открылись разного рода мастерские, возникло ткацкое производство, оживилась торговля. Карс превратился в многолюдный и богатый город».

Гослитиздат, издав неплохой перевод романа Мурацана и сопроводив его обстоятельной статьей проф. И. Кусякина, дал нам представление об интересной странице истории армянского народа.

НОВЫЕ КНИГИ ЛЕНИЗДАТА «ЛЕНИНГРАДСКИЙ АЛЬМАНАХ»

Слав в прозаическом переломе «Ленинградский альманах». В нем опубликованы четыре повести: «Боевая кочка» В. Васильева, «Остров будет открыт» Г. Гора «На новых островах» В. Васильева, «Знаменитый человек» В. Васильева, пьеса Л. Размазова, Е. Рысе «Огни и дым», рассказы И. Краты, В. Бондарина, Е. Катерини и др., стихи М. Дудина, В. Сидорова, И. Вихаря, М. Комиссаровой и других ленинградских поэтов.

Книги о науке и технике Ленинград выпускает книгу Ф. Кандыба «Повесть об оружии», рассказывающую об изобретении автоматического оружия в России. Издана также книга «Техника в Тюркестане. Для этого же издательства А. Поноринский перевел свою книгу «Административные науки, социологию. Глобальная диалектическая теория академику Крылову. Будет издаваться также книга В. Сыронова «Славяне жизни» — беллетристический рассказ о возникновении и развитии жизни на земле».

Людмила СТОЯНОВ Литература новой Болгарии

Тяжелый путь прошла болгарская литература за последние двадцать лет. После сентябрьского восстания 1923 года, во время которого болгарский народ потерял 30 тысяч своих сынов и дочерей, в стране возобладали фашизм. Наступили черные дни и для литературы. Реакция пустила в ход все средства, чтобы задушить свободную мысль. Но в большинстве своем писатели остались верны свободолюбивым традициям болгарской литературы и стали в ряды антифашистского боя. Талантливые поэты Георг Милев, Христо Ясенский, Сергей Румячев, Никола Йонков. Движение за свободу и счастье болгарского народа были высланы, брошены в тюрьмы, отправлены в концлагери.

Когда в знаменательный день 9 сентября 1944 года фашизм в Болгарии был уничтожен, для литературы открылись широчайшие возможности. Положен был конец «эпохе фашизма» и «литературному крепостничеству». Настала пора широкой демократической свободы, литературная жизнь закипела.

Во всех важнейших общественно-политических событиях (например, народный суд над фашистскими виновниками третьей национальной катастрофы, Славянский съезд 2 марта т. г. в Софии, день 1 мая, день Кирилла и Мефодия, годовщина освобождения Болгарии 9 сентября и др.) писатели принимали деятельное участие, отражая в своих произведениях радости и надежды народных масс.

В этой новой, живой и пламенной литературе читательские массы, жаждущие новых слов, нашли отклик на свои чувства, мысли и стремления.

Сразу возросло значение писателя и литературы. Союз писателей Болгарии включил в своей среде 29 фашистов и принял 85 новых членов. Теперь Союз писателей — одна из наиболее значительных и наиболее крупных культурных организаций в стране. Председатель союза — известный писатель К. Константинов, автор многих

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ КНИГА О НАРОДНОМ ГЕРОЕ

«...Я показал миру, что может сделать один человек, когда его вдохновляет благороднейшее чувство — любовь к родине». Так перед смертью сказал князь Георг Марзепун, главный герой исторического романа Мурацана, носящего имя этого героя. Армения раздираема на части сворочившим феодальным князьями. Царь Ашот II мужественный защитник родины от арабов борется за объединение Армении, ослепленный страстью к жене одного из феодалов, совершает поступки, недопустимые для главы государства, и этим еще сильнее возбуждает феодальную усобицу в стране. Чтобы справиться с коалицией своих врагов, он вводит в Армению чужеземные войска. Но счастье отвернулось от царя: армия его разбита, чужеземные войска ему изменят. Сознывая, что он сам является причиной своих несчастий и народных бедствий, царь погружается в уныние и безделье и уступает от власти, никому ее не передав. Арабы беспрестанно грабят страну. Феодалы отжиливаются в своих замках. Глава армянской национальной церкви — католикос — мог бы в этот тяжелый момент жизни народа возвысить голос и призвать феодалов встать на защиту родины. Но католикос труслив, как заяц, бежит от арабов и одного монастыря в другой, и авторитет его падает в глазах народа все ниже.

События эти происходили тысячу лет назад, в десятом веке. Тогда казалось, что древний армянский народ погибнет под пятой арабов. И тут на историческую сцену выдвинулся выдающийся полководец князь Георг Марзепун. После всех испытаний страна возрождается, крестьяне и ремесленники возвращаются к мирному труду, снова расцветает армянская культура.

Большим достоинством Мурацана является то, что он видит реальную историческую ситуацию, на которую опирались Марзепун. Знаменитый полководец верит в свой народ.

Целое тысячелетие отделяет автора от времени, им изображенного в романе, и все же автор сумел разгадать и изобразить характер Георга Марзепуна в такой живительной реальности, как будто бы сам чудом вернулся из эти давно прошедшие времена. Фигура народного героя дана во весь рост; он отличается большой человечностью, умной снисходительностью к людям.

«— Я никого не считаю совершенным. Каждый из нас имеет свои слабости. По-зряму я всегда снисходителен к людям, которые причиняют мне зло».

«— Но разве не бывает преступлений, которые невозможно простить, за которые надо вешать, сжигать в огне, топить?».

«— Есть и такие...
— Что же это за преступления? Говори, я хочу знать.
— Измена родине».

Да, преступлений против родины не прощает Георг Марзепун.

И снисходительный к людским слабостям, он тем строже в отношении молчаливых требований, чем выше положение человека в государстве, тем, следовательно, выше его ответственность перед родиной.

Прочитав роман, с особенной остротой понимаешь, почему армяне, изгнанные со своих земель и рассеянные повсюду свету, требуют восстановления исторической справедливости. Ведь Георг Марзепун был не просто титул «царедетель родины» за то, что объединил всю армянскую территорию вокруг новой столицы — Арминии, крепости Карса. Карс всегда был армянским городом. Наследник царя Ашота царь Абас много сделал для благоустройства города: «Он выстроил великолепный дворец, а в цитадели прекрасный замок, после чего перенес свой престол из Ерагавора в Карс и объявил его столицей. Затем он стал украшать город великолепными зданиями, гостиницами, новыми зданиями и святилищами, построил балны и водопровод. В короткий срок столица наполнилась многочисленным населением. Открылись разного рода мастерские, возникло ткацкое производство, оживилась торговля. Карс превратился в многолюдный и богатый город».

Гослитиздат, издав неплохой перевод романа Мурацана и сопроводив его обстоятельной статьей проф. И. Кусякина, дал нам представление об интересной странице истории армянского народа.

НОВЫЕ КНИГИ ЛЕНИЗДАТА «ЛЕНИНГРАДСКИЙ АЛЬМАНАХ»

Слав в прозаическом переломе «Ленинградский альманах». В нем опубликованы четыре повести: «Боевая кочка» В. Васильева, «Остров будет открыт» Г. Гора «На новых островах» В. Васильева, «Знаменитый человек» В. Васильева, пьеса Л. Размазова, Е. Рысе «Огни и дым», рассказы И. Краты, В. Бондарина, Е. Катерини и др., стихи М. Дудина, В. Сидорова, И. Вихаря, М. Комиссаровой и других ленинградских поэтов.

Книги о науке и технике Ленинград выпускает книгу Ф. Кандыба «Повесть об оружии», рассказывающую об изобретении автоматического оружия в России. Издана также книга «Техника в Тюркестане. Для этого же издательства А. Поноринский перевел свою книгу «Административные науки, социологию. Глобальная диалектическая теория академику Крылову. Будет издаваться также книга В. Сыронова «Славяне жизни» — беллетристический рассказ о возникновении и развитии жизни на земле».

Людмила СТОЯНОВ Литература новой Болгарии

Тяжелый путь прошла болгарская литература за последние двадцать лет. После сентябрьского восстания 1923 года, во время которого болгарский народ потерял 30 тысяч своих сынов и дочерей, в стране возобладали фашизм. Наступили черные дни и для литературы. Реакция пустила в ход все средства, чтобы задушить свободную мысль. Но в большинстве своем писатели остались верны свободолюбивым традициям болгарской литературы и стали в ряды антифашистского боя. Талантливые поэты Георг Милев, Христо Ясенский, Сергей Румячев, Никола Йонков. Движение за свободу и счастье болгарского народа были высланы, брошены в тюрьмы, отправлены в концлагери.

Когда в знаменательный день 9 сентября 1944 года фашизм в Болгарии был уничтожен, для литературы открылись широчайшие возможности. Положен был конец «эпохе фашизма» и «литературному крепостничеству». Настала пора широкой демократической свободы, литературная жизнь закипела.

Во всех важнейших общественно-политических событиях (например, народный суд над фашистскими виновниками третьей национальной катастрофы, Славянский съезд 2 марта т. г. в Софии, день 1 мая, день Кирилла и Мефодия, годовщина освобождения Болгарии 9 сентября и др.) писатели принимали деятельное участие, отражая в своих произведениях радости и надежды народных масс.

В этой новой, живой и пламенной литературе читательские массы, жаждущие новых слов, нашли отклик на свои чувства, мысли и стремления.

Сразу возросло значение писателя и литературы. Союз писателей Болгарии включил в своей среде 29 фашистов и принял 85 новых членов. Теперь Союз писателей — одна из наиболее значительных и наиболее крупных культурных организаций в стране. Председатель союза — известный писатель К. Константинов, автор многих

С. Липкин Стихи Уйгуна

Книга Уйгуна похожа на дневник: под каждым стихотворением — дата; год, месяц, иногда число. Мы узнаем, о чем думал, что чувствовал узбекский поэт в трудную пору Отечественной войны. Случайно нахлынувшее воспоминание, выпавший снег (одно стихотворение так и называется: «Обернемся в беседе» — во всем поэт находит повод для влюбленности. Удивительна его способность превращать повседневность в праздник, мелкую деталь — в значительное явление. Любимая, как это часто бывает с любимыми, назвала его «своим солнцем» — и вот ответ поэта:

Я иду на запад. Я тобою
Назван солнцем — так зачем рыдать?
Словно солнце, утренней порою
На восток я возвращусь опять.

Я к тебе, мой друг, поспею к сроку,
Много шаг восток не позовет.
На дорогах к милому востoku
Через запад для меня лежат.

Понапрасну сердце лишь тревожа,
Не горюй: час утра недалек.
К западу уходит солнце тоже,
Чтобы возвратиться на восток!

(Перевод Н. Ушакова).

Некогда К. Случевский вел стихотворный «Дневник одностороннего человека». Таким, в лучшем смысле этого слова, «односторонним» человеком предстает перед читателем лирический герой Уйгуна: о чем бы ни писал Уйгун — о луне ли, о цветке, о снеге — все мысли его занимает война. Вот определения снега:

Снег — это, может быть, сладкий сок
Длины душистой, что палал с губ.
Может быть, снег — разлуки слеза,
Если ты милой девушке люб...

Может быть, в море белых цветов
Россыпью солнц мельчайших он был,
Может быть, в зелени свежих трав
Вздохом мечтаний сладчайших он был.

Чем он бывал, чем он станет — снег,
— Я не профессор, людей не учу.
Но что фашистам саваном стал
Нынешний снег — я очень хочу.

(Перевод Л. Пеньковского).

Осенний цветок, «гордый обаянием сдержанной красы», властно твердит поэту о том времени,

Когда заблещет в растлостной тревоге
В упрямых победителя руках.
Полумесек, отраженный в днепровской
Волне, кажется поэту «богатырским клинком». Уйгун восклицает:

Новоулыбец! Как радуешь ты,
Как внезапно и щедро сияешь твою!

В стихах Уйгуна привлекает упорное желание автора порвать с канонами условной поэзии Востока, найти такую форму, которая, по выражению Белинского, «не переставая быть национальной, доступна для всякого века и всякой страны».

Не всегда автор твердо стоит на избранном пути: газель «Она придет» одно из многолюдных и бедных, поражающих классическим образом. К этому же типу принадлежит стихотворение «Обман», описывающее традиционный сад, в котором розы показались автору «еще чекам», нарциссы — «еще глазам» и т. д.

К счастью для автора и читателя, таких стихотворений в сборнике немного. Уже в стихотворении «Гранат» (а гранат — далеко не свежая тема узбекской поэзии) чувствуется душевная энергия нашего современника, видна не красота условности, а красота жизни:

О, манганской осени подарок,
В далекий край отсланивший гранат,
Как шар пушковый, ты округил и ярк,
И зерна спелые рубинами горят!

Уйгун, «Новоулыбец». Стихи. Госиздат УзССР. Ташкент, 1945.

Академическое издание сочинений А. С. Пушкина

Война задержала выход академического издания сочинений А. С. Пушкина. Сейчас это издание возобновлено. Вышел XIV том, в котором опубликована переписка поэта с 1828 по 1831 г.

Во II том собрания сочинений входит лирика Пушкина 1817—1825 гг. Этот том был дан в производство в Ленинграде еще до войны. Блокада Ленинграда прервала работу, и в 1943 г. ее начали сызнова. Когда набор II тома уже подходил к концу, неожиданно была обнаружена полная корректура II тома. Оказалось, что во время блокады ленинградские рабочие набрали весь том целиком и сделали это отлично. Но граница нельзя было переправить в Москву из-за отсутствия связи. Никто не знал, что работа над II томом была доведена до конца — границы нашли под развалинами типографии.

В настоящее время II том собрания сочинений Пушкина уже находится в производстве, как и III (стихотворения 1826—36 гг.) и V (поэмы: «Граф Нулин», «Полтава», «Тазис», «Медный всадник»).

Идет работа над XI томом (критическая проза Пушкина) и XII, в который войдут дневники, автобиографические заметки, выписки из различных книг, планы изданий, подсчеты долгов и гонимых. В сухих цифрах этих подсчетов видны трагические поиски выхода из того мучительного финансового положения, в котором очутился поэт в последние годы своей жизни.

В XV и XVI томах будет опубликована переписка Пушкина с 1832 по 37 г.

XVII том посвящен рисункам Пушкина, составляющим около тысячи листов: портреты современников, зарисовки исторических лиц (от Данте до Наполеона), иллюстрации к собственным произведениям и др. Уже закончено их описание. Впервые они будут собраны воедино.

В XVIII томе будет сводный указатель ко всем томам академического издания сочинений Пушкина.

Уйгун (редкий дар!) видит собственные недостатки. Он пишет о своих стихах:

О, если пятна — даже на луне,
На красоте, испытанной веками,
Как обойтись без этих пятен мне,
С моими непослушными стихами?

И смотришь ты на стих со стороны,
И он наводит на тебя зевоту,
Как памятник забытой старины,
Утративший былую позолоту.

А я хочу, чтоб стих буюном был,
Когда справляю день его рождения,
Потом цветок пленительный раскрыл
И стал позолотой много поколенья.

(«О стихах», перевод С. Сомовой).

Переводы стихотворений Уйгуна сделаны русскими поэтами Москвы, Киева, Ташкента. Наиболее удачные принадлежат Н. Ушакову. Хороши также переводы Светланы Сомовой, хотя она работает иногда небрежно, допуская такие ошибки:

К берегам, где румыны живут не
.....
Улетела внезапно сраженная душа.

(«Последний бой»).

Есть небрежности и в темпераментном переводе В. Державина «Узбекистан», вроде звучного парадного выражения: «добыч, ча доблестной руки».

В заключение хочется отметить деятельность узбекского издательства: за сравнительно короткий срок оно выпустило на русском языке, помимо книги Уйгуна, две поэмы и два романа Навои, стихи Алмаджана, альманах «Дар» и «Литературный Ташкент», несколько книг прозы. К работе над переводами издательство широко привлекает русских писателей Узбекистана.

Новые книги на литовском языке

Литовское государственное издательство художественной литературы выпустило несколько новых книг. Поэма литовского классика Донелайтиса «Время года» вышла новым изданием с большой вступительной статьей К. Корсакаса. Выпущены том стихотворений В. Монтвилля — поэта, распространявшего немецкими оккупантами. Военные рассказы и очерки А. Венцлова собраны в книге «На полях войны». Издан односторонний рассказ П. Шейны «Корни дуба». Роман К. Борута «Мальчишка Балтарасиса» (на материале литовского фольклора) только теперь увидел свет — этот роман К. Борута писал урывками в период немецкой оккупации. Переведен один из исторических романов старшего литовского поэта А. Венцолова-Жукаускаса «Перепись». Вышла в свет повесть в стихах для детского театра «Двенадцать братьев черных воронов» Софии Чурилонене-Кимантайте.

В переводе на литовский язык вышла следующая книга: Н. Тихонов «Черты советского человека». Вас. Гроссман «Народ бессмертен», Ванда Васильевская «Радуга», М. Шолохов «Тихий Дон», том I.

Выпущены басни И. Крылова, составленные Т. Тильвитисом из переводов нескольких литовских поэтов с вступительной статьей К. Корсакаса. По разделу детской литературы напечатаны: «Сказки народов Советского Союза», повесть Ф. Шурваня «Один среди диких» и «Приключения Синдбада Мореплавателя» с цветными иллюстрациями (литография Т. Валуся).

Людмила СТОЯНОВ Литература новой Болгарии

Тяжелый путь прошла болгарская литература за последние двадцать лет. После сентябрьского восстания 1923 года, во время которого болгарский народ потерял 30 тысяч своих сынов и дочерей, в стране возобладали фашизм. Наступили черные дни и для литературы. Реакция пустила в ход все средства, чтобы задушить свободную мысль. Но в большинстве своем писатели остались верны свободолюбивым традициям болгарской литературы и стали в ряды антифашистского боя. Талантливые поэты Георг Милев, Христо Ясенский, Сергей Румячев, Никола Йонков. Движение за свободу и счастье болгарского народа были высланы, брошены в тюрьмы, отправлены в концлагери.

Когда в знаменательный день 9 сентября 1944 года фашизм в Болгарии был уничтожен, для литературы открылись широчайшие возможности. Положен был конец «эпохе фашизма» и «литературному крепостничеству». Настала пора широкой демократической свободы, литературная жизнь закипела.

Во всех важнейших общественно-политических событиях (например, народный суд над фашистскими виновниками третьей национальной катастрофы, Славянский съезд 2 марта т. г. в Софии, день 1 мая, день Кирилла и Мефодия, годовщина освобождения Болгарии 9 сентября и др.) писатели принимали деятельное участие, отражая в своих произведениях радости и надежды народных масс.

В этой новой, живой и пламенной литературе читательские массы, жаждущие новых слов, нашли отклик на свои чувства, мысли и стремления.

Сразу возросло значение писателя и литературы. Союз писателей Болгарии включил в своей среде 29 фашистов и принял 85 новых членов. Теперь Союз писателей — одна из наиболее значительных и наиболее крупных культурных организаций в стране. Председатель союза — известный писатель К. Константинов, автор многих

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ КНИГА О НАРОДНОМ ГЕРОЕ

«...Я показал миру, что может сделать один человек, когда его вдохновляет благороднейшее чувство — любовь к родине». Так перед смертью сказал князь Георг Марзепун, главный герой исторического романа Мурацана, носящего имя этого героя. Армения раздираема на части сворочившим феодальным князьями. Царь Ашот II мужественный защитник родины от арабов борется за объединение Армении, ослепленный страстью к жене одного из феодалов, совершает поступки, недопустимые для главы государства, и этим еще сильнее возбуждает феодальную усобицу в стране. Чтобы справиться с коалицией своих врагов, он вводит в Армению чужеземные войска. Но счастье отвернулось от царя: армия его разбита, чужеземные войска ему изменят. Сознывая, что он сам является причиной своих несчастий и народных бедствий, царь погружается в уныние и безделье и уступает от власти, никому ее не передав. Арабы беспрестанно грабят страну. Феодалы отжиливаются в своих замках. Глава армянской национальной церкви — католикос — мог бы в этот тяжелый момент жизни народа возвысить голос и призвать феодалов встать на защиту родины. Но католикос труслив, как заяц, бежит от арабов и одного монастыря в другой, и авторитет его падает в глазах народа все ниже.

События эти происходили тысячу лет назад, в десятом веке. Тогда казалось, что древний армянский народ погибнет под пятой арабов. И тут на историческую сцену выдвинулся выдающийся полководец князь Георг Марзепун. После всех испытаний страна возрождается, крестьяне и ремесленники возвращаются к мирному труду, снова расцветает армянская культура.

Большим достоинством Мурацана является то, что он видит реальную историческую ситуацию, на которую опирались Марзепун. Знаменитый полководец верит в свой народ.

Целое тысячелетие отделяет автора от времени, им изображенного в романе, и все же автор сумел разгадать и изобразить характер Георга Марзепуна в такой живительной реальности, как будто бы сам чудом вернулся из эти давно прошедшие времена. Фигура народного героя дана во весь рост; он отличается большой человечностью, умной снисходительностью к людям.

«— Я никого не считаю совершенным. Каждый из нас имеет свои слабости. По-зряму я всегда снисходителен к людям, которые причиняют мне зло».

«— Но разве не бывает преступлений, которые невозможно простить, за которые надо вешать, сжигать в огне, топить?».

«— Есть и такие...
— Что же это за преступления? Говори, я

Читая «Лейли и Меджуну» Алишера Навои...

Создана «Лейли и Меджуну» Навои несколько столетий, уже многократно до него воплощенная в поэзии. По арабскому источнику сказание о Лейли и Меджуну возникло в седьмом веке. Будто бы первым автором его был некий юноша из дома омейядов, который в сказании изложил свою собственную любовную историю.

В конце первого тысячелетия нашей эры повесть о Лейли и Меджуну имела широкое хождение в арабском фольклоре. Но первый известный нам письменный вариант относится уже к XII веку. Это знаменитая поэма «Лейли и Меджуну» азербайджанского классика Низами, который придал древней сказке форму законченного поэтического произведения. Именно поэма Низами, насыщенная глубоким философским смыслом, и стала предметом восхищения и подражания для многих поэтов Востока, которые на протяжении столетий создавали свои варианты «Лейли и Меджуну». Назовем одноименную поэму индо-персидского поэта XIV века Эмира Хосроу, поэму Алишера Навои и Джамии, живших в XV веке, поэму азербайджанского классика XVI столетия Мухаммеда Фирюзи и туркменский вариант «Лейли и Меджуну», сложенный в конце XVIII века поэтом Иналбагом.

Насчитывается до двадцати полных вариантов «Лейли и Меджуну», написанных в разное время разными поэтами в честь на поему Низами. И, помимо того, в десятках, даже сотнях произведений узбекских, азербайджанских, туркменских, татарских, казахских, кара-калпакских, таджикских поэтов мы встречаем образы Лейли и Меджуну, как высшее олицетворение всепокоряющей чистой любовной страсти.

Можно сказать, что эти имена стали составной частью поэтики народов Востока, подобно тому, как в поэзии народов Европы XVIII и первой половины XIX вв. были элементами поэтики имена Венеры, Меркурия, Феба.

Из всех классических сюжетов, возникших на Востоке, сохранились «Лейли и Меджуну» многократно воплощенные в поэзии разных народов Востока. Два года назад на русском языке был издан первый перевод поэмы «Фархад и Ширин» Алишера Навои, принадлежащий Льву Пенсковскому. В настоящее время издаются переводы «Лейли и Меджуну», сделанный С. Липкинским. Таким образом, русский читатель получил возможность ознакомиться с одним из прославленных произведений узбекской классики.

Содержание легенды о Лейли и Меджуну в общих чертах таково. Юноша Кейс в детстве лет полюбил красавицу Лейли. С годами страсть Кейса растет, он терзает влостью над своим поступком, и люди дурно относятся к нему, называют его Меджуну, что означает «беспокойный». Меджуну мечтает бежать в пустыню. Он складывает песни в честь возлюбленной, беседует со звездами и зверями и уже перестает походить на человека. Слест Меджуну может только Лейли, но она недоступна. И Меджуну гибнет.

У разных поэтов, в зависимости от требований и вкусов времени, а также в зависимости от социально-философских и творческих устремлений авторов поэмы, отдельные элементы фабулы изменялись, вводились те или иные новые эпизоды и действующие лица. Но основа легенды оставалась неизменной. И неизменным оставался центральный образ поэмы Кейс-Меджуну, охваченный страстью, поборы которую не в силах ни людские козни, ни дьявольская сила, ни вышестоящее земных и небесных сил.

Возвышенность чувства и трагизм поэмы придали образу Меджуну черты вечности, вводя его в круг таких образов мировой поэмы, как Ромео или Тристан. Для современного читателя образ Меджуну существует как выражение извечного стремления человека служить возвышенному, невзирая ни на какие лишения или преграды, невзирая даже на смерть.

В стремлении воспеть идею вечной любви Низами придает страсти Меджуну сакральный характер. Чувство Меджуну таково, что оно превращает рай в ад, ад в рай, земное в небесное. Когда предстает к соединению с Лейли пропадая, Меджуну бежит от своей возлюбленной, потому что живая, реальная Лейли ему уже не нужна. Для него весь мир становится как бы воплощением Лейли.

В поэме Навои чувство Меджуну столь же сильно, но оно иное по качеству. После многих страданий Лейли и Меджуну у Навои соединяются. Принужденные расстаться после краткой встречи, они страдают еще сильнее, чем прежде, так как знают теперь не только небесную страсть-мечту, но и земную любовную страсть. Такое изменение сюжета придало поэме,

вещной у Низами ярко выраженные символические черты, элементы реалистического повествования. Читая поэтические строки Навои о кратковременном счастье влюбленных и о последующих их страданиях, трудно согласиться с проф. Е. Бертельсом, утверждающим в предисловии к русскому переводу поэмы «Лейли и Меджуну», что подобие изменения сюжета лишает земной поэмы величавости, присущей варианту Низами.

Вот какими словами и в каких образах живописует Навои недолгое счастье влюбленных:

И приближаются в стонной дали Лейли и Меджуну и Меджуну к Лейли... Две розы влетят на одной земле. Дух плоти стал и духом стала плоть. Духом сидит двойственностью, господь. Над ним инос означилось на мгн. И сон в гавань жестокости проник. И вжидло дышание земли. И как дождь ошарашивает. Все изжитые гвары в эту ночь Отрешаются двум любовникам помочь. Раскинул нитку длинную паука, Заверил их паутинкой паука. Чтобы влюбленных скрыть, на мир делго Летучей мышью серое крыло...

Величавость замысла не снижена, а, наоборот, утверждена жизненностью мотивировки, какую у Навои получила габель Лейли и Меджуну. Принужденные расстаться, они не в силах вложить жизнь после того, как:

Репило мое стать жестоком вновь... Вновь и уже навеки разлучена с Меджуну.

Лейли в груди волнение тает: Меджуну все время перед ней стонет. Его мнит: равным ветром донесло Его дышание, его тепло? Оид божим инос означилось на мгн. И чапа жизни горечи полна... Уселилось и страдание Меджуну. Обжигая радость и Меджуну унял. Мгновенье сладость и Меджуну унял. Он облизнул дышание влюблен... Оид глоток живой воды глотнул...

Великая глота тяжелей стокар... Равлика гумисет, предосчитавший в своем творчестве идею италийского Возрождения, Алишер Навои именно в поэме «Лейли и Меджуну» ближе всего подошел к той черте, за которой начинается реалистическое искусство. Перешагнув эту черту Навои не мог. Тому мешало мусульманское средневековье, в условиях и обстановке которого Навои жил. Но поэзия Навои была присуща и почти эллиническое понимание красоты безгрешной природы и, мы бы сказали, европейское отношение к человеческому разуму, как к единственному подлинному властителю вселенной. Эта качества его мироощущения делают книгу Навои великим спутником человечества.

Опытный мастер перевода Семен Липкин хорошо знает, что абсолютной точности поэтического перевода быть не может. Поэтому он не пошел по пути тех переводчиков, которые зачастую в погоне за этой недостижимой абсолютной точностью приносят ей в жертву основное, чем должен обладать всякий перевод, — поэтическую верность оригиналу. А эта верность достигается в русском языке всех формальных особенностей оригинала. Поэтическая верность оригиналу может возникнуть лишь в том случае, если перевод является самостоятельным поэтическим произведением. Как бы точно ни были сохранны в переводе ритм и способ рифмовки, присутствующий оригиналу, как бы переводчик ни тщился средствами русского языка передать особенности изюминки поэтики, — если при всем том перевод не становится явлением русской поэмы, — он плох, он мертв, он не верен оригиналу.

Перевод С. Липкина «Лейли и Меджуну» нам кажется удачным, потому что, сохраняя главные особенности оригинала, он вглядывается на русское искусство, а не притянутое в нашу поэзию на архаичный ориентализм в слове и синтаксисе. С. Липкин давшие за двадцать лет поэтический рассказ Навои, с большим тактом напоминая читателю о языке оригинала и об эпохе его создания лишь во-первых введя рифмовку и нежизненные возникающие синтаксическими параллелизмами и повторами, не принятыми в русской поэзии, или же являющимися в обилии метафор, которые то и дело вырываются в строгую речь рассказчика, как то свойственно тюркоязычной, да и фарсидской поэзии.

Особенности национальной формы поэмы Алишера Навои не заслонили от переводчика того основного, чем является каждое произведение поэмы — высота и глубина его поэтического замысла. Эти качества новой работы С. Липкина позволяют нам признать ее значительным достижением советского поэтического перевода последних лет.

Обложки новых книг, выходящих в Детиздате. Слева направо: А. Пушкин «Взрывчатка» (худ. Н. Кузьмин), Н. Тихонов «Храбрый партизан» (худ. В. Коналов), Л. Гумилевский «Крылья родины» (худ. К. Артеулов), М. Стржалева «Итте» (худ. В. Таубер), Г. Х. Алдерсен «Сказки» (худ. В. Конашев), А. Гайдар «Тимур и его команда» (худ. А. Ермолов).

Н. ЧЕТУНОВА Рассказы Шурыгина

«Честный труженик — всегда хороший боец», — мысль эта, принадлежавшая одному из героев маленькой книжки рассказов В. Шурыгина, очень точно выражает основную идею всей книжки. Выгодно отличаться от тех авторов, которым кажется, что и мужество и даже героизм на фронте рождаются как бы сами собой из ничего, В. Шурыгин вместе со своим героем Зеринки («Вторая линия») знает, что: «...лучшие здесь» и бойцы на фронте ведут борьбу и с теми, «кто разнуздан к чуждому труду простых людей». Единство труда и подвига и нравственно начало в них обоих — такова поэтическая тема Шурыгина.

В другом рассказе книжки «Дедом гранаты» подвиг представляет собой высший акт подлинной человечности, высокой дружбы и верности и одновременно — великий героический в своем упорстве труд. Сострадания в собственном подвиге и лишь сонливая-сонливая да тяжело раненого товарища, беззаветной охраняя вместе с группой товарищей, с которыми его ведут на рассвет. В этом рассказе есть строки большого трагического напряжения, говорящие, на наш взгляд, о значительных писательских возможностях автора. Доселе, поэтому, что Шурыгин не всегда высказался как к качеству своих психологических наблюдений. Так, в рассказе «Нечаянная разведка» герою, неожиданно попавшему в плен, все, что происходит вокруг, запомнилось веселую (!) репликацию какой-то забытой им сцены из какого-то давно игранного в школе любительского спектакля «Лейли и Меджуну».

Несколько особняком стоит рассказ «Рассвет». Здесь на материале гражданской войны Шурыгин создал запоминающийся поэтический образ чека Вилко. «Деловой, упрямый, верток, как змей, — так не пронаешь», — говорит о нем товарищ по тюремной камере. И действительно, Вилко своей находчивостью, смеельностью, самообладанием, исключительным умением не падать духом, не сдаваться судьбе, совершая почти чудо — спасается из рук безжалостной охраны вместе с группой товарищей, с которыми его ведут на рассвет. В этом рассказе есть строки большого трагического напряжения, говорящие, на наш взгляд, о значительных писательских возможностях автора. Доселе, поэтому, что Шурыгин не всегда высказался как к качеству своих психологических наблюдений. Так, в рассказе «Нечаянная разведка» герою, неожиданно попавшему в плен, все, что происходит вокруг, запомнилось веселую (!) репликацию какой-то забытой им сцены из какого-то давно игранного в школе любительского спектакля «Лейли и Меджуну».

Хочется пожелать, чтобы дальнейшая работа Шурыгина шла по линии более глубокого, более серьезного проникновения в душевную жизнь нашего человека, который борется с теми, с которыми он относится по-настоящему заинтересованно.

В Шурыгин. «Моя дружба». 1945 г. Облгосиздат государственное изд-во. 184 стр. 92.

«НАША РОДИНА»

В издательстве «Молодая гвардия» готовится к выпуску книга из серии «Наша родина». Первой выйдет книга «Москва», написанная членом-корреспондентом Академии наук С. Вахрушиным, проф. Н. Андриферовым, П. Лопатиным, В. Покшищеским и др.

Над книгами «Наша родина» работают М. Шагинин («Арктика»), И. Сергеев («Казахстан»), А. Бармия («Урал») и Н. Михайлов («Дальний Восток»).

Т. ГАББЕ КНИГА ЗА КНИГОЙ

В 1945 году в Издательстве детской литературы вышло два десятка маленьких книжек — очерков, рассказов, стихов — под общим серьезным названием «Книга за книгой».

Название хорошее — оно и не слишком обязывает и в то же время обещает нечто значительное и цельное, как слова «час за часом» обещают нам целый день, «день за днем» — целую человеческую жизнь, «ступая за ступенью» — восхождение по какой-то высокой лестнице.

И в самом деле, книжки эти недаром объединены общим названием и форматом, недаром обложены в одинаковые обложки. Если прочесть их одну за другой, станет очевидно, что связь их не только внешняя. Все они по-своему говорят о скромной, высокой человеческой доброте, в чем бы, как бы и где бы она ни проявлялась.

В одной из книжек мы читаем о гренландце Шиселье-ургоке полка, дважды спасшем Суворова в бою на Кинбурговской Коле («Гренландец Семен Новиков» С. Сергеев-Ценковский); в другой — о ленинградском мальчике, сделавшемся за годы блокады одним из лучших заводских слесарей. Помужски, спокойно, ответственно выполняет пятнадцатилетний мастер свое ежедневное дело, и так же спокойно и безотказно действует он тогда, когда ему приходится рисковать головой, пробираться среди завалив домов, под гудками воздушного и каменного моста отбивая заваленного в нижнем этаже мальчика («Я все живу» Н. Тихонова).

В третьей книжке мы читаем о юноше той могучей и смелой породе уральских горцев, в которой «страх страха сильнее, чем страх смерти» («Урал» Л. Славина); в четвертой — о маленькой румяной девушке с несерьезным прозвищем «Кнопка», способной простить, весело не задумываясь, идти на верную смерть для того, чтобы принести подвигу воинам извещающую от жажды раны («Кнопка» В. Каверина)... Рассказывать в немногих словах содержание этих двадцати книжек было бы трудно. В этом и достояние и недостаток серии.

Что и говорить, краткость, лаконизм, жесткость — все это служит к украшению рассказов или очерков. Но краткость не должна переходить в бедность, лаконизм — в сухость, ясность — в схематизм. А между тем в большинстве этих маленьких повестей на героические темы действие так и не доходит до подлинного драматизма, до высокого эмоционального напряжения. В сущности говоря, это и не рассказы, а чаще всего нечто среднее между рассказом и очерком.

И поэтому внимание читателя невольно задерживается на узорном лоскутском сказании Жаква («Иван Крылатый»), на обстоятельной, спокойной прозе Сергея Тригирева («Исторический рассказ» «Мичман Суворов»), на беллетристической причудливости очерка Л. Славина «Урал».

И тут, сам собой, возникает некоторый упрек к организаторам серии. Быть может, в заботе о ее тематической выдержанности, о возрастных границах и о бумажном стандарте они порешили там, где этого можно было избежать.

Вот, например, отрывок из поэмы М. Алдерсен «Эон». Он занимает тридцать страниц:

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ По дорогам юности

Первая книжка Леонида Хаустова, как и многие первые книжки молодых поэтов, написана о впечатлении и картинах юности. Свою тему Хаустов раскрывает с уверенной последовательностью. Можно даже говорить о достоянии зрелости тех трех десятков стихотворений, которые образуют книжку.

Читая эти стихи, хорошо представляешь детство его героя, вспоминаешь ему через годы войны. Книжка так и задумана: лирическому герою, фронтовику, видится детство, мать и родное село, природа, друзья и невеста, школа и учителя, картины Леонида и подруг «Стерегущего», и все сливается в один дорогой образ: Россия. О «счастливой, незабываемой порою детства» герой говорит с любовью и теплой улыбкой, иногда — с легкой и светлой грустью. Стихи, частью написанные до войны, получают в свете такого композиционного замысла книжки новый лирический подтекст: он приносит голос человека в похолод шпиделя, защитившего свою волю:

И носил тебя в сердце, Россия, На войне, среди мертвых людей, Ты леди ходила по Брестгазу. Мне крылья не закрывали твои. И я видел, как будто впервые, Безо всякой боязни, воевать. Роша белая, зори сквозные И просторов твоих благодать.

И детство в тебе сквозит, невеста, Из черту оживяю колтыла, Все мечты моею жизнью естестве И любовь моя век до конца.

Ораторские интонации не свойственны Хаустову. И скорее всего потому, что больше, общее он дает через лирически прочувствованный эпизод и детали. Целое вырастает, как завершение ряда предметных образов. Конечно, все эти стихи могут быть иногда лишними лирическими формулами, рассказы, связанные одной темой и заданной, полагали в одну и те же руки. Иначе смысл изложения такой серии в значительной степени утрачивается.

Их надо давать по подлиску или в виде приложения к журналу, но непременно все, книга за книгой.

Самое же существенное относится к будущему этой важной серии. Необходимо помнить, как жаждут читатели-подписки настоящей разнообразной беллетристики, сюжетной и психологической одновременно.

Очерк — прекрасная, благодарная форма. Недаром так любил ее Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, М. Горький, но читатель вряд ли примирится с тем расплывчатым, размытым повествованием, которое иной раз называют очерком только потому, что его нельзя назвать рассказом.

Серии можно упрочить и за счет расширения жанровых границ. Сюжетные стихи, баллады, сказки разных народов, исторические анекдоты, басни, отрывки из дневников — все это должно войти в маленькую библиотечку, идущую к своему читателю — «Книга за книгой».

Максим Горький на Волге. Картина Л. ШПИЛАНОВА.

Из работ, отобранных для Всесоюзной художественной выставки.

По дорогам юности

Первая книжка Леонида Хаустова, как и многие первые книжки молодых поэтов, написана о впечатлении и картинах юности. Свою тему Хаустов раскрывает с уверенной последовательностью. Можно даже говорить о достоянии зрелости тех трех десятков стихотворений, которые образуют книжку.

Читая эти стихи, хорошо представляешь детство его героя, вспоминаешь ему через годы войны. Книжка так и задумана: лирическому герою, фронтовику, видится детство, мать и родное село, природа, друзья и невеста, школа и учителя, картины Леонида и подруг «Стерегущего», и все сливается в один дорогой образ: Россия. О «счастливой, незабываемой порою детства» герой говорит с любовью и теплой улыбкой, иногда — с легкой и светлой грустью. Стихи, частью написанные до войны, получают в свете такого композиционного замысла книжки новый лирический подтекст: он приносит голос человека в похолод шпиделя, защитившего свою волю:

И носил тебя в сердце, Россия, На войне, среди мертвых людей, Ты леди ходила по Брестгазу. Мне крылья не закрывали твои. И я видел, как будто впервые, Безо всякой боязни, воевать. Роша белая, зори сквозные И просторов твоих благодать.

И детство в тебе сквозит, невеста, Из черту оживяю колтыла, Все мечты моею жизнью естестве И любовь моя век до конца.

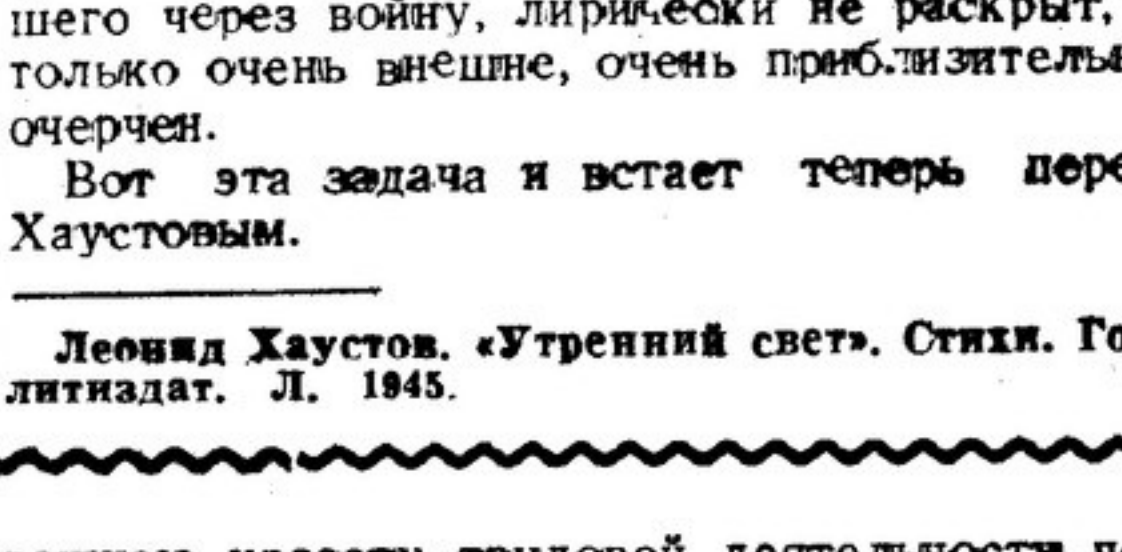
Ораторские интонации не свойственны Хаустову. И скорее всего потому, что больше, общее он дает через лирически прочувствованный эпизод и детали. Целое вырастает, как завершение ряда предметных образов. Конечно, все эти стихи могут быть иногда лишними лирическими формулами, рассказы, связанные одной темой и заданной, полагали в одну и те же руки. Иначе смысл изложения такой серии в значительной степени утрачивается.

Их надо давать по подлиску или в виде приложения к журналу, но непременно все, книга за книгой.

Самое же существенное относится к будущему этой важной серии. Необходимо помнить, как жаждут читатели-подписки настоящей разнообразной беллетристики, сюжетной и психологической одновременно.

Очерк — прекрасная, благодарная форма. Недаром так любил ее Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, М. Горький, но читатель вряд ли примирится с тем расплывчатым, размытым повествованием, которое иной раз называют очерком только потому, что его нельзя назвать рассказом.

Серии можно упрочить и за счет расширения жанровых границ. Сюжетные стихи, баллады, сказки разных народов, исторические анекдоты, басни, отрывки из дневников — все это должно войти в маленькую библиотечку, идущую к своему читателю — «Книга за книгой».

Леонид Хаустов. «Третья линия». Стихи. Госиздат. Л. 1945.

В библиотеке им. В. И. Ленина

Два с половиной месяца назад в новом здании Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина открылся специальный зал для читателей, работающих в области литературы, искусства, языковедения, истории, философии и психологии. Это — первый шаг библиотеки к специализации обслуживания читателей.

Большим спросом в этом зале пользуются:

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета «Литература да хеловцеба» («Литература и искусство») освещает литературную жизнь республики, деятельности писательских организаций, важнейшие явления советской и зарубежной литературы. В «Литературном календаре» — постоянном отделе газеты — публикуются статьи, посвященные деятелям грузинской культуры. В «Хронике» газета информирует читателей о новинках художественной литературы. Видное место отведено на ее страницах вопросам искусства и театра.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны у писателей, естественно, возникла потребность окинуть взглядом путь, пройденный литературой за эти годы, разобраться в процессах, происшедших в грузинской литературе, отметить новые творческие задания.

В номере от 2 августа напечатан доклад председателя правления Союза советских писателей Грузии С. Чиковани о грузинской литературе военных лет. С. Чиковани дает анализ развития грузинской литературы, беспристрастно критикует ряд произведений. В то же время С. Чиковани отмечает рост поэтического творчества в годы войны. Поэты Грузии создали превосходные образцы патристической военной лирики, эпические поэмы о советском воине-победителе. Проза заметно отстает.

Гр. ЛОМИДЗЕ

роизведения, Г. Шатберашвили «Гора дум» драматические коллизии строятся на случайности, борьба характеров основана не на жизненных, а на воображаемых противоречиях, которые впоследствии снимаются драматургом. Все приходит к счастливому концу и единству.

Вдумчивая, острая критика газеты должна помочь драматургам преодолеть фальшивый шаблон, порвать оковы штампа: Газета популяризирует новинки художественной литературы, помещая отрывки из произведений писателей, но не всегда удачен их подбор. В отрывках из тетралогии покойного Нико Лордкипанидзе встает яркая, сильная фигура Давида Стрельца, борца за объединение раздробленной Грузии. Повесть написана с большим художественным тактом. Иное впечатление производит отрывок из повести Демьяна Шенгелая «Проклятый огонь». Непонятно, о какой эпохе, о каких людях идет речь. Длинные описания чередуются с перечислением разных предметов, вещей домашнего обихода. Описание тяжеловесны, обильно уснащены архаическими терминами. Лишь в последних абзацах отрывка сверкают светлые краски, присущие прежним рассказам Шенгелая, обрисовываются силуэты героев его повести — мастера Шира Давида и его жены. И только здесь мы узнаем, что события происходят в 1795 г., в дни истинства Ара-Магомед-хана на Тбилизи. Собственно с этого и надо было начать. Если отрывок не представляет собой цельного эпизода, а является лишь экспозицией к роману, спорно его «обнародование».

В отрывке из повести И. Лисашиани «Ло расвет» рассказывается о муках русских людей, заключенных в лагерях на фронте. Трагические события не стали в лагерь фактом, эмоционально пережитым и выстраданным. Они мало трогают и мало волнуют. Намерения у Лисашиани были благие, средства же его ограничены. О состоянии людей, запертых немцами в лагерь, писатель говорит такими словами: «Смерть, Жажда дичила людей. Люди открывали рта, будто жевали высушенный язык. Из рта исходил горький запах. Испарения эти уносили жизнь многих людей, уносили их и теперь. Барак кипел, как котел, поставленный на огонь. В нем таял,

рашение», Г. Шатберашвили «Гора дум» драматические коллизии строятся на случайности, борьба характеров основана не на жизненных, а на воображаемых противоречиях, которые впоследствии снимаются драматургом. Все приходит к счастливому концу и единству.

Вдумчивая, острая критика газеты должна помочь драматургам преодолеть фальшивый шаблон, порвать оковы штампа: Газета популяризирует новинки художественной литературы, помещая отрывки из произведений писателей, но не всегда удачен их подбор. В отрывках из тетралогии покойного Нико Лордкипанидзе встает яркая, сильная фигура Давида Стрельца, борца за объединение раздробленной Грузии. Повесть написана с большим художественным тактом. Иное впечатление производит отрывок из повести Демьяна Шенгелая «Проклятый огонь». Непонятно, о какой эпохе, о каких людях идет речь. Длинные описания чередуются с перечислением разных предметов, вещей домашнего обихода. Описание тяжеловесны, обильно уснащены архаическими терминами. Лишь в последних абзацах отрывка сверкают светлые краски, присущие прежним рассказам Шенгелая, обрисовываются силуэты героев его повести — мастера Шира Давида и его жены. И только здесь мы узнаем, что события происходят в 1795 г., в дни истинства Ара-Магомед-хана на Тбилизи. Собственно с этого и надо было начать. Если отрывок не представляет собой цельного эпизода, а является лишь экспозицией к роману, спорно его «обнародование».

решению красоты трудовой деятельности человека, радость труда.

Талантливый поэт Гр. Абашидзе старомоден в своих исторических миниатюрах. Так далеки, так эфемерны события, воспетые им. После «Весны в черном городе» и «Горы победы», поэм широкого эпического дыхания, в которых с наибольшей яркостью раскрылся его талант, Гр. Абашидзе возвращается к давно пройденному пути — к описанию флигратных бездельюшек.

Газета отключается на важнейшие юбилейные даты. Десятилетие выхода книги тов. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» посвящена страницам. В статьях Г. Натрошвили и Д. Джамаладзе показано, какую огромную роль сыграла книга тов. Берия для грузинских писателей, создавших много произведений о жизни и деятельности товарища Сталина, о революционном движении в Грузии. В газете напечатаны статьи Г. Кикодзе, В. Щулукидзе, Е. Аствацатурова о Важа Пшавела и Н. Бараташвили о Горьком, Рылеве, Абае Кунашвили, А. Исаакян. Особо надо отметить статью академика Корнелия Кекелидзе — «Саят-Новая». Небольшая по размеру, она содержит ценные наблюдения ученого над истинными агулской поэзией, над поэтикой стихов Саят-Новая.

Грузинская литературная газета в основном справляется с задачами агитации и пропаганды идей партии в области художественной литературы. Гибкость и быстро отзывчивость газеты надо неизменно сочетать с высокой требовательностью, с непрекращающейся борьбой за качество литературы, ее высокую идейность. Стоит пожелать газете быть более принципиальной, не делать никаких скидок, солидарной. Ведь наряду с остротами, содержательными статьями газета отводит страницы под пафосные, не помогающие писателям, а услаждающие и ублаживающие их. Газета станет настоящим другом писателей, если будет говорить им всю правду, какой бы неприятной подчас ни была эта правда.

Рукописное наследие Леси Украинки

Рукописное наследие Леси Украинки изучено сравнительно мало, некоторые ее произведения до сих пор еще не опубликованы и неизвестны не только читателю, но даже и многим специалистам — историкам литературы.

Между тем среди этих произведений (значительная часть их хранится в рукописном отделе Львовского филиала библиотеки Академии наук УССР) мы находим подлинно жемчужины эпической поэмы, драматических пьес, рассказов, поэмы, публицистические статьи, статьи по литературным вопросам. Ни о каком подлинно научном исследовании творчества великой украинской поэтессы не может быть и речи без глубокого изучения ее рукописного наследия, к сожалению, не собранного полностью в одном месте.

Неопубликованные произведения Леси Украинки не только расширяют наше представление о ней как художнице, но широко и разнообразно характеризуют ее как гражданку и мыслителя. Мы узнаем из ее статьи «Кто как живет» (печатавшаяся в очередном томе «Радянського літературознавства») о Лесе Украинке — пропагандисте марксизма и переводчице популярной марксистской литературы.

В неопубликованном письме к сестре Лесе Украинке сообщается, что заканчивает изучение первого тома «Капитала» К. Маркса в подлиннике, к этому следует присоединить резкую критику проекта «Программы украинской социалистической партии», которую Лесья Украинка обвиняла в шовинизме. «Проект этот возбуждает немало сомнений. Кажется, что национального сознания даже чересчур много в «Программе», что она уже вырождается в шовинизм: таково, например, выражение «сильная рука чужого деспота» (подчеркнуто Лесе Украинкой).

Среди неопубликованных публицистических статей Леси Украинки особое внимание привлекает «Этика и политика». К сожалению, статья эта осталась незавершенной. Давая сравнительную оценку Французской революции конца XVIII века и Парижской Коммуны, Лесья Украинка все свои симпатии отдает последней. Коммуна же имела силы отразить натиск своих врагов и трагически погибла в неравном бою, но среди ее деятелей не было ни мошенников, ни трусов. После недолгого, но полного владычества коммуны голодных пар (иных) протестов и один из них пропал из государственной казны. Ни один коммунар не работал на продажу оружия или хлеба голодающим, и это вынужденные были констатировать даже враги. Ни об одном коммунаре не было слышно легенды, будто бы он задрожал перед расстрелом или просил помилования.

Выдающийся интерес представляют неопубликованные художественные произведе-

ния Леси Украинки — проза, лирика, драматургия.

До сих пор, за исключением «Лесной песни» и частично «Боярынь», мы не знали о попытках писательницы обратиться к украинской народной тематике в драме. Рукописи свидетельствуют о настоящих и длительных поисках украинской темы для драматургического воплощения.

План героической драмы «Бондарина», восходящий к одноименной драме, фрагменты которой драма, близкой по характеру к пьесам Тобилевича, замысел трагедии о народном герое Устиме Кармалюке, план инсценировки повести О. Кобылянской «У неділю рано зілля копала» — таков неполный перечень драматургических замыслов Леси Украинки последнего десятилетия ее жизни.

В драматургии великой украинской писательницы больше всего занимают образы, подчас далекие от антитемы филологической и, шире того, античной культуры. Одно из ранних стихотворений Леси Украинки посвящено Сафо и ее несчастной любви к Фаону. Нам удалось обнаружить среди рукописей Леси Украинки фрагмент драматической поэмы, посвященной этой же теме. Он обладает исключительными художественными достоинствами, и позволяет поставить эту историю вровень со знаменитой трагедией Ф. Грильпарцера.

Наиболее разнообразно представлена в рукописном наследии Леси Украинки лирика, насчитывающая более шестидесяти неопубликованных произведений — это увеличивает по крайней мере на одну треть общее число известных ее стихотворений.

Забав образцы народной лирики, философские раздумья, стихи, проникнутые революционной страстью, энергией, ярким сатирическим произведением. Не обинуясь, можно сказать, что Лесья Украинка как поэт в полной мере раскрывается только сейчас.

Велико число неопубликованных стихотворных переводов, сделанных Лесе Украинкой с английского, греческого, польского, немецкого, итальянского языков на украинский и русский языки.

Лесья Украинка была деятельным и активным сотрудником журнала «Жизнь», в котором печатались произведения Ленина, Горького, Чехова. В архиве «Жизни» и «Мира божьего» должны находиться неопубликованные статьи Леси Украинки о Марии Конопницкой, о Гауптмане и его «Микаэле Крамере», о западноевропейской литературе конца XIX века и др. Необходимо отыскать эти рукописи.

В феврале 1946 г. исполняется 75-летие со дня рождения Леси Украинки. Лучшим венком на могилу великой писательницы были бы издание сборника ее неопубликованных произведений, число которых уже сейчас достаточно велико.

В СОЮЗЕ советских писателей СССР

ВОРОНЕЖСКИЙ АЛЬМАНАХ

Оживленно и интересно прошло на очередном заседании Облкомиссии ССП обсуждение первой книги альманаха «Литературный Воронеж».

В центре внимания выступающих была вышедшая много споров повесть А. Шубина «Доктор Великанов размышляет и действует».

— Повесть Шубина, — сказала В. Ермилова, — по-настоящему своеобразна, талантлива и возбуждает большие мысли об искусстве. Трудная задача изображения положительного героя решена писателем очень самостоятельно и так, как до него, пожалуй, никто в нашей литературе не решал. Читателя, не привыкшего к разнообразию и смелости проверки, может удивить то, что автор пишет о людях, в сущности, очень хороших, в юмористическом тоне. Читая повесть, порою вспоминаешь произведения Ильфа и Петрова. Но если там юмор всегда разоблачает, развенчивает, то здесь он утверждает положительного, прекрасного человека.

Несколько слабее, по мнению В. Ермиловой, та часть повести, в которой описаны приключения доктора и его спутников, сестры-хозяйки Ульяны Ивановны, в районе захваченном немцами. Здесь нужна была иная интонация, которая оказалась недостаточной автору. У него немцы получились опереточными, а страшная для советского человека проблема работы на немцев выглядит облегченной, упрощенной.

Участники обсуждения Г. Рыжков, Ю. Лукин и др. отметили, что в повести есть свежее, свое отношение к людям, к жизни. Юмору Шубина, подчеркнул Г. Рыжков, могут позавидовать даже опытные в этой области писатели. Если повесть тщательно отредактировать, она сможет стать одним из значительных произведений нашей литературы послевоенного периода.

Несколько иначе оценили повесть А. Шубина Н. Онуфриев, Г. Бромман, В. Раковская и др., указав, что Шубин применяет только одну краску, одну тональность в изображении разных сторон жизни, и поэтому форма повествования часто противоречит ее содержанию.

— Многие детали повести, — говорит Ю. Олеша, — свидетельствуют о хорошей изобретательности автора и его пристрастии к стилю плутовских романов. Даже тележка доктора, с которой он бредет в потоке покидающих город людей, напоминает возок странствующих актеров из произведений этого жанра. Но приемы и колорит плутовского романа не вяжутся с трагической действительностью описываемых событий. Доктор с его тележкой существует как бы отдельно от других людей. Он здесь слишком литературен и экзотичен. В повести не видно ни самоотверженности, ни отчаяния, ни веры умирающих от немцев людей — их отнесает на второй план философствующий доктор. Так увлечение гротескным приемом влечет за собой распадение живой ткани произведения. Перелом в повести намечается с момента появления героев в оккупированной немцами деревне. Здесь, считает Ю. Олеша, Шубин проявляет себя настоящим художником. Автор умело выбирает слова, юмор его тонок и выразителен.

— Пусть шубинский доктор, — сказала Ю. Олеша, — несколько витиеват, но это человек, которого раньше в литературе не было и не могло быть, человек, которому следует уделять литературными приемами, тем более, что он владеет даром правдиво изображать жизнь, видеть ее, чувствовать и любить.

— Создавая образы хороших советских людей, — говорит Д. Поликарпов, — автор не поставил на пути своих героев никаких испытаний, не проверил законности существования таких характеров и тем как бы заранее застраховал себя от возможных неудач. Повесть, скорее, следовало бы назвать «Доктору Великанов повелело», ибо герою, пошопавшему по воле автора в стан немцев-дураков, не пришлось преодолевать никаких трудностей: автор поставил его в такие условия, где все заранее преопределено и решено. А герои могли бы выдержать испытание и в тяжелые моменты сумели бы держаться за достоинством.

Полемику с В. Ермиловым, отметившим, что при всей неравноценности опубликованных в альманахе рассказов каждый из них радует тем, что решает какую-то проблему, В. Тегасинова указывает, что нельзя говорить о какой-либо проблеме или о том, правильно ли неправильно она поставлена, если рассказ, как литературное произведение, попросту не существует.

Опубликованные в альманахе рассказы М. Булавина «Любовь», М. Морева «Сердце женщины» и «Испытания», по мнению Н. Онуфриева, С. Галина, В. Герасимовой и других, очень неудачны. Подматывая в этих рассказах большую тему возвращении фронтовика в семью, тема сложной борьбы между чувством любви и чувством долга решена легководно.

— Рассказ М. Булавина, — подчеркнул Ю. Лукин, — написан с претензией на психологизм и в то же время очень казенным языком: например, «Вскоре я почувствовал, что встречи с Верой доставляют мне приятный досуг» и т. д. Идеи и чувства, которые автор хочет передать читателю, крайне убоги. Потеря любимого мужа воспринимается женщиной легче, чем его возвращение, и самая трактовка темы делает произведение порочным.

Неудачен рассказ В. Соколова «Сказка о яблоне», подражающий стилю Гоголя, здесь странной образом смешавшись с подражанием Золене. Рассказ П. Прутковского «Родной очерк», по ошибке названного рассказом, Хорошее впечатление, по мнению А. Карцева, В. Ермилова, Г. Броммана и др., оставляет рассказ О. Кретовой «В этот день» — о женщине, потерявшей мужа на войне. Есть своеобразные и в рассказах Н. Дехнина «Горная легенда» и «Рожок Дорифеева», М. Подобедова «Пимокаты» и М. Сергеева «Последний день». Просто и тепло написан очерк О. Кретовой о погибшем во время Отечественной войны воронежском писателе Борисе Пескове.

Хорошее впечатление, по мнению А. Карцева, В. Ермилова, Г. Броммана и др., оставляет рассказ О. Кретовой «В этот день» — о женщине, потерявшей мужа на войне. Есть своеобразные и в рассказах Н. Дехнина «Горная легенда» и «Рожок Дорифеева», М. Подобедова «Пимокаты» и М. Сергеева «Последний день». Просто и тепло написан очерк О. Кретовой о погибшем во время Отечественной войны воронежском писателе Борисе Пескове.

Выступавшие в прениях писатели Ираклий Андроников, К. Паустовский, И. Чорный, Н. Москвин и другие высоко оценили работу В. Шкловского.

Новеллы В. Шкловского

Вечер Виктора Шкловского, объявленный секцией рассказа, собрал большую аудиторию. Писатель прочел около 20 рассказов из подготовленной к печати книги о Петре Великом. Маленькие сюжетные анекдоты, не выходящие за пределы документальности и исторические очерки, чрезвычайно скудные в своей описательной части, создали слушателю впечатление большого широкого разнообразия. В каждом рассказе освещена какая-то черта Петра — человека, политика, организатора, полководца, просвещенного деятеля. Автор привлек много нового документального материала. В этом отношении интересны рассказы о десантной морской операции, проведенной в войне со Швецией, и об экспедиции на Мадагаскар, снаряженной Петром перед самой смертью.

Искусство детективного романа

Как пишут детективные романы в Америке и Англии? Этому вопросу посвятил свой доклад Е. Ланн на собрании комиссии детективного жанра ССП СССР.

Выступавшие в прениях оценили доклад Ланна, как попытку подытожить опыт литературы детективного жанра и проанализировать особенности техники американских и английских романов.

Отбывая от подлых врагов Гилсон, его товарищи — негры и белые, их семьи. Один за другим погибали бойцы за демократию, за права человека. Гибнут сыновья Гилсона. А затем и он сам.

«Последним воспоминанием Гилсона Джексона, когда он лежал в снаряд, когда граната разорвалась и оборвала его память, было воспоминание о силе народа его страны, черных и белых, о силе, которая проведет их через долгую войну».

Повесть Фаста — подлинно историческая повесть, построенная на фактах. В последующие Фаст говорит о том, почему эти факты не были широко известны. «Власть имущие считали необходимым скрыть от американцев и от Европы, что неграмы были дано право жить в стране свободными людьми, на равной ноге со своими соседями, что им было дано право строить свою собственную судьбу вместе с белыми белыми как и юге и что в течение восьми лет они создали прекрасную, справедливую и подлинно демократическую цивилизацию».

Повесть Фаста написана в приподнятом, почти библейском стиле. Слово вырезано из меди, возникает перед читателем образы Гилсона, его близких.

Она написана не бесстрастным пером, а кровью сердца. От первой до последней страницы ее нельзя читать без большого волнения.

И, закрыв книгу, понимаешь, что хотя события, изображенные в ней, отделены от нас почти восьмьюдесятью годами, но речь идет о сегодняшнем дне.

Фаст недаром посвящает свою книгу «мужикам и женщинам, черным и белым, желтым и коричневым, которые отдали свою жизнь в борьбе против фашизма».

Да, это антифашистское произведение. Это предупредительный сигнал, напоминающий о том, что нужно до конца выкорчевывать остатки фашизма, выжить из каждого угла фашистскую песью — и в Европе, и в Азии, и в Америке.

Трагический образ Гилсона Джексона не забудется теми, кто стремится укрепить демократию и прогресс, а значит прежде всего счастья с лица земли гнусное наследие фашизма.

БУДУЩИЕ КНИГИ

М. ЛОИНИТСКИЙ

Недавно я получил от Гослитиздата оригинальный экземпляр заметки «Алая» — несомненное завершение многолетнего труда на переводом «Божественной комедии». Для предстоящего ее издания в одном томе я последнее время работал над составлением примечаний к «Аду», по типу моих примечаний к «Чистилищу» и «Раю», чтобы комментарий ко всей поэме был по возможности целостен и единообразен. В то же время я продолжал работу над текстом и ввел немало поправок в мой перевод «Ада». Из моих «будущих книг» такое издание «Божественной комедии» я, конечно, считаю наиболее для себя ответственным.

Заканчивая перевод Данте, я снова занялся старополтавским театром и гениальным комедийным писателем Лопе де Вега «Дон Хиль» — «Зеленые штаны» и Лопе де Вега «Душная дьяволы» и «Тартюф».

В связи с готовящейся постановкой моего перевода «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

умная для себя, причем последнюю в двух вариантах: один из них — перевод в строгом смысле слова, другой — стилистическая обработка («Умная дурачка»). По предложению Комитета по делам искусств я в скором времени займусь переводом драмы Лопе де Вега «Фунте Овехуна».

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В Дегизе должна выйти в свет новая редакция моего перевода мольеровского «Тартюфа».

В Москве готовится издание «Гамлета» в Московском театре драмы я вновь пересмотрел эту работу. Имея дело с непревзойденными образцами, переводчик никогда не может довольствоваться достигнутым и неустанно будет искать более совершенные решения.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ ЛИТВЫ

ВИЛЬНОС. (От соб. корр.). Для литовцев, проживающих в США и Канаде, издаются в Америке литовские газеты и журналы, книги на литовском языке. Влиятельной прогрессивно-демократической организацией является Литературное общество американских литовцев, председателем которого Антанас Бимба приехал в Вильнюс.

В Доме писателей литовской столицы состоялась встреча американско-литовского общества с литературной и художественной общиной советской Литвы. А. Бимба посетил также творческий вечер молодых писателей Вильнюса.

В беседе с нашим корреспондентом Антанас Бимба рассказал:

— Литературное общество американских литовцев в этом году отмечает тридцатилетие своего существования. Оно объединяет до 8000 членов, входящих в 160 отделений общества.

Мы издаем художественную, историческую и политическую литературу и выпускаем журнал-тримесечник «Швиесас». Среди наших изданий книги литовских писателей Литвы и Америки переводы Эптона Синклера, Максима Горького и др. Выпущено также немало книг, посвященных популяризации идей марксизма.

В годы войны с фашистской агрессией,

когда Литва была временно захвачена немецкими хищниками, журнал «Швиесас», наряду с произведениями американско-литовских писателей и публицистов Роуса Мизара, доктора Антанаса Петюка и других, помещал много стихов, рассказов, очерков и статей писателей советской Литвы, эвакуировавшихся в глубь Советского Союза. Были изданы книги: «Злейший враг литовского народа» (о тевтонских захватчиках) и «Литва в огне» (о разлуке литовских оккупантов). Авторами материалов, опубликованных в этих изданиях были Людас Гира, Саломея Нерис, Петрас Цвирика, Антанас Бенцлюва, Костас Корсакас, Ионас Марцинквичюс и другие литовские советские писатели. Книги эти прозвучали призывом к беспощадной борьбе против гитлеровских захватчиков, стремившихся к порабощению и истреблению свободных народов.

В этом году Литературным обществом издана повесть американско-литовского писателя Роуса Мизара «Ошишка Бернарда Гавелиса». В будущем году мы выпустим книгу «Восстановление Литвы», отражающую восстановление освобожденной литовской советской республики в свете нового пятилетнего плана. Американские литовцы в этом году издадут книгу за литературным творчеством советской Литвы. Имена литовских советских писателей широко известны и популярны среди литовцев США и Канады.

♦ ♦ ♦

когда Литва была временно захвачена немецкими хищниками, журнал «Швиесас», наряду с произведениями американско-литовских писателей и публицистов Роуса Мизара, доктора Антанаса Петюка и других, помещал много стихов, рассказов, очерков и статей писателей советской Литвы, эвакуировавшихся в глубь Советского Союза. Были изданы книги: «Злейший враг литовского народа» (о тевтонских захватчиках) и «Литва в огне» (о разлуке литовских оккупантов). Авторами материалов, опубликованных в этих изданиях были Людас Гира, Саломея Нерис, Петрас Цвирика, Антанас Бенцлюва, Костас Корсакас, Ионас Марцинквичюс и другие литовские советские писатели. Книги эти прозвучали призывом к беспощадной борьбе против гитлеровских захватчиков, стремившихся к порабощению и истреблению свободных народов.

В этом году Литературным обществом издана повесть американско-литовского писателя Роуса Мизара «Ошишка Бернарда Гавелиса». В будущем году мы выпустим книгу «Восстановление Литвы», отражающую восстановление освобожденной литовской советской республики в свете нового пятилетнего плана. Американские литовцы в этом году издадут книгу за литературным творчеством советской Литвы. Имена литовских советских писателей широко известны и популярны среди литовцев США и Канады.

♦ ♦ ♦

Новый рассказ А. Казанцева

Александр Казанцев — инженер по специальности и руководитель одного из научно-исследовательских институтов — автор фантастических романов «Пылающий остров» и «Арктический мост».

В своем новом рассказе «Взрыв», прозвучавшем на заседании секции научно-художественного жанра в клубе писателей, Александр Казанцев в художественной форме излагает свою научную гипотезу о происхождении знаменитого туингуэского метеорита.

Выступавшие единодушно отметили смелость авторского замысла, остроту сюжета и научную актуальность рассказа.

Вступительное слово, посвященное значению познавательного элемента в научной фантастике, сделал В. Орлов.

Слева направо: обложка книги — «Пегас и поэт» и «Свинья» — художника А. Каневского.

радостнее рабского труда. Но мысль Гилсона идет дальше:

«Сон, работа, еда, и это — все? А где ученые, отцы, книги? Одна только работа в жизни?» — И Гилсон отвечает себе: «Путь от рабства создал новую эру цивилизации, но остановился ли на этом люди? Мирно живут и трудятся небольшие общины негров вместе с белыми бедняками. Но реакция — бывшие плантаторы, раболовцы поднимают голову. Они не могут примириться с поражением. Они организуют банды головорезов Ку-Клукс-Клан, терроризируют население, линчуют негров, белых».

Реакция ждет только того момента, когда Гилсона северян оставляет Южные штаты. Гилсон ясно видит надвигающуюся опасность. Реакция не добита — вот в чем корень зла.

«Я думаю, что все люди гуманны», — говорит он, — я не представляю себе, что неизлечимая болезнь гнетается в человеческом мозгу. Я не понимаю, что некоторые люди черны и своей болезнью могут заразить мир». Видно, наши допущения величайшую ошибку. Когда земля совмещалась во время войны, они считали, что кровь выкорчевана. Но пролилась кровь не белых, не лишенных расаудка, а только кровь здоровых хороших людей, которыми помыкали и которых обманули».

Выршился за годы, минувшие после войны, до уровня большого политического деятеля, депутат конгресса Гилсон пытается противопоставить напор раболовцев. Он предупреждает президента Гранта о заговоре реакции. Он призывает к организации народных масс. Напротив Грант устал и не хочет бороться. Республиканская партия продает плантаторам завоеванные Южные штаты. Это сигнал для раболовцев. Используются насилие банды Ку-Клукс-Клана,